

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М.Горького

**ЖАНРЫ И ФОРМЫ
В ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Москва
ИМЛИ РАН
2005

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 04-04-16129д*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Михаил Леонидович Андреев*;
доктор философских наук, кандидат филологических наук,
профессор *Виталий Львович Махлин*

На обложке: фрагменты мозаичного изображения
Сивиллы Кумской (Сиенский Кафедральный собор);
фонтан Кентавр (Сицилия, г. Таормина).
Фото и монтаж *Е.Иванова*

**ЖАНРЫ И ФОРМЫ В ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.** — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — 272 с.

Сборник содержит исследования, посвященные различным аспектам поэтики жанра и формы в средневековых литературах Руси, Западной Европы и Востока. Наряду с такими традиционными для отечественного литературоведения темами, как системы жанров произведений средневековых художественных литератур и критика применимости современных концепций жанра в исследованиях культур древности, авторов сборника интересуют также вопросы, открывающие широкое поле для междисциплинарных исследований, но пока еще не получившие должного освещения в работах российских медиевистов: принципы организации текста и черты жанрового мышления в памятниках научной и философской культуры, жанровые аспекты рецепции научных, философских, сакральных текстов (развитие культуры комментария и вопросы поэтики этого жанра), взаимосвязь языковых и невербальных средств научного изложения.

Сборник издается впервые; право на его издание другим лицам и организациям не передавалось.

© Авторы статей, 2005
© ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2005

ISBN 5-9208-0231-6

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В 2001 г. при ИМЛИ была учреждена Комиссия по проблемам изучения средневековых литератур¹. Организаторы Комиссии видели свою цель в создании единой территории общения для медиевистов различных филологических и исторических специальностей, чьи интересы связаны с изучением культур самых разных регионов. Показательно, что с инициативой создания Комиссии выступили те специалисты, чьими силами около четверти века назад была издана многотомная «История всемирной литературы». На протяжении долгих лет работы над этим трудом складывался широкий междисциплинарный контекст историко-литературных штудий, которому были в той или иной степени причастны все, кто принимал участие в работе над изданием. Предпочтение сравнительного метода, широкие исторические обобщения как результат историко-литературной работы — формированию этих черт гуманитарно-научного мышления, и сегодня еще определяющих исследовательский стиль лучших ученых ИМЛИ, послужили совместные обсуждения разделов «Истории всемирной литературы», собиравшие за одним столом специалистов по истории литератур разных эпох и народов, от Дальнего Востока до Западной Европы, от античности до Новейшего времени. Работа над этим изданием показала, насколько эффективным может быть объединение усилий представителей разных дисциплин, чье общение, как правило, не предполагается укладом профессиональной повседневности.

¹ Сведения о работе Комиссии регулярно помещались в издании «Известия РАН. Серия литературы и языка».

IV.
**ИСТОРИОГРАФИЯ
КАК ЖАНР СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Т.В.Гимон, А.А.Гиппиус

**РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ
В СВЕТЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ
(к постановке проблемы)***

Своеобразие древнерусских летописей принято усматривать в основополагающем для этого жанра принципе изложения событий по годам, не находящем соответствия в известных на Руси византийских хрониках, описывающих всемирную историю как последовательность царств и царствований. Это объективное различие лежит в основе традиционной формулировки, согласно которой летописание — единственный жанр древнерусской литературы, не вписывающийся в жанровую систему литературы византийской, усвоенную, хотя и не в полном объеме, на Руси¹.

Справедливая в своей основе, данная формулировка нуждается в ряде уточнений. В том, что касается соотношения литературных систем, она грешит излишней прямолинейностью. В настоящее время уже ясно, что говорить о прямом усвоении на Руси византийской системы жанров не приходится, что в

---

* Работа выполнена в рамках программы Фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте».

действительности имело место усвоение конкретных образцов, которые, будучи перенесены в организованную на совершенно иных основаниях культурную среду, могли смешиваться, переосмысливаться, изменять свои функции и т.д.² В результате этого могли возникать тексты, принципиально невозможные в византийской литературе, такие как паремейное чтение о Борисе и Глебе или несохранившееся Житие Антония Печерского, явно представлявшее собой памятник, весьма далекий от канона византийского жития. В этом смысле летописание, в котором такое смешение образцов принимает особенно широкий размах, лишь наиболее ярко демонстрирует общую несводимость оригинальной книжной продукции Киевской Руси к византийской литературной систематике.

Существенных уточнений представление о жанровой специфике древнерусского летописания требует и в сравнительно-типологическом аспекте. С одной стороны, необходимо иметь в виду, что погодный принцип не был полностью чужд византийской историографии. В годовые рубрики организуют свой материал «Пасхальная хроника» VI в. и «Хронография» Феофана IX в. Впрочем, значение этих параллелей для русского летописания минимально. Названные тексты не только никогда не были переведены на славянский язык, но и в пределах самой византийской традиции представляют собой изолированные опыты, не получившие развития³.

Намного более важную параллель древнерусским летописям составляют средневековые западноевропейские анналы. Сходство между ними, подмеченное еще на заре научного изучения русского летописания А.-Л.Шлёцером⁴, какое-то время оставалось в поле зрения исследователей⁵, но впоследствии было основательно забыто. Лишь недавно оно вновь стало привлекать к себе внимание⁶. Значение этого сходства исключительно велико как для понимания природы летописного жанра, так и с общей историко-культурной точки зрения. Типологически летописание есть не что иное, как форма анналистической историографии. Это исключительно яркий признак, по которому Русь, выделяясь из византийского культурного круга, объединяется со странами Западной и Центральной Европы.

В наших рассуждениях мы будем двигаться от более поздних

к более ранним текстам. Вначале речь пойдет о русском летописании XII–XIV вв. и типологических параллелях к нему, а затем — о Начальной летописи и ее месте в европейской средневековой письменности. Иначе говоря, вначале мы поговорим о летописании уже сформировавшемся, а затем — о возникновении этого жанра.

* * *

Русское летописание XII–XIV вв. находит себе прямую параллель в западноевропейской средневековой анналистике. Говоря об анналах, следует отличать их от хроник — родственной, но все же отличной формы исторического повествования⁷. Если анналы почти всегда анонимны, то хроники имеют автора (даже если это аноним, он ответственен за составление всего текста). Если анналы обязательно состоят из погодных статей, то для хроники это возможно, но не обязательно — она может делиться, например, на тематические главы. Текст анналов в большей степени дискретен, чем текст хроники. Последняя тоже не является совершенно связным и логично выстроенным повествованием, но все же у нее есть тема (например, история мира, страны, города), начало и конец. Впрочем, грань между анналами и хрониками весьма зыбкая, что отражается и в терминологической путанице⁸. В Англии вытеснение хрониками анналов начинается с рубежа XI–XII вв., но на местном уровне анналистика существует еще достаточно долго. Аналогичный процесс видим в XI–XII вв. на Континенте. На наш взгляд, большинство русских летописей XII–XIV вв. уместно сопоставлять именно с анналами, а не с хрониками⁹.

В первую очередь бросается в глаза сходство формы, внутренней организации западноевропейских анналов (ирландских, английских, франкских, западнославянских и др.) и русских летописей. В основе тех и других лежит погодный принцип изложения — история излагается в виде погодных статей, и текст не образует, как правило, связного повествования, отличаясь высокой степенью дискретности.

Вот что писал в свое время английский ученый Чарльз Пламмер о жанре анналов (в его терминологии «хроник», *chro-*

nicles) и их отличии от «истории»: «История, однажды написанная, не претерпевает потом никаких изменений; хронику же можно сколь угодно дополнять. История похожа на ткань; в нее нельзя ничего добавить, из нее нельзя ничего изъять, не разрушив ее как целое. Хроника подобна ряду фишек, расставленных с математической периодичностью, который можно продолжать до бесконечности в любом направлении — дополнения окажутся к месту в любой точке этого ряда»¹⁰.

Слова Пламмера, на наш взгляд, вполне применимы и к древнерусским летописям. Они перекликаются, например, с некоторыми замечаниями о русских летописях, сделанными Д.С.Лихачевым. Ср., например: «...имея четко выраженное начало, летописи часто не имеют конца, “концовки”, так как конец как бы постоянно уничтожается наступающим на него настоящим, новыми событиями. Современность все нарастает и “убегает” от повествователя»¹¹. «Каждая запись до известной степени самостоятельна, но между ними чувствуется все же пропущенная связь, возможность других записей о других событиях»¹².

Для примера сравним более подробно форму английских анналов X — первой половины XII в. и русских летописей XII–XIV вв. Выбор Англии как объекта для сравнения можно обосновать тремя моментами: 1) и в Англии, и на Руси анналы / летописи пишутся на родном языке, а не на латыни, как в большинстве других европейских стран; 2) Англия и Русь находятся слишком далеко друг от друга, чтобы считать вероятным какое-либо прямое влияние одной из этих традиций на другую; 3) в Англии сохранность ранних рукописей анналов особенно хорошая.

Весь текст английских анналов и русских летописей, за исключением обычно небольшого «предисловия», состоит из *погодных статей* (по-английски — *annal* в единственном числе, или *entry*). Каждая погодная статья начинается обозначением года. В английских анналах заголовки погодной статьи чаще всего выглядят так: «An(no). dcccxxx.» («В год 730»), но иногда аббревиатура «AN» отсутствует, и заголовок состоит только из номера года. Для русских летописей XI–XIV вв. характерен только один тип заголовков погодных статей: «В лѣто такое-

то» (номер года от Сотворения мира, записанный кириллической буквенной цифирью).

После заголовка погодной статьи обычно следует текст этой статьи, т.е. описание событий, произошедших в данном году. Но иногда никакого текста нет, а сразу читается заголовок следующей статьи. Это так называемые «пустые годы» (*barren annals*), одинаково характерные для обеих сравниваемых традиций. «Пустые годы» наиболее характерны для начальных, ретроспективных фрагментов текста — в английских анналах это в основном текст до середины IX в., в русских летописях — до середины XI в. Ясно, что эти части текстов писались ретроспективно, и у их составителей не хватало информации, чтобы заполнить ею каждый год. Для обеих традиций типичны целые колонки пустых годов, перемежающихся единичными не «пустыми» статьями. «Пустые годы» встречаются и в тексте за последующие века, но там они редки и, как правило, единичны (одна «пустая» статья может оказаться в окружении других статей с текстом). Отличие состоит в том, что в английских летописях пустой год — это всегда просто заголовок статьи, после которого ничего нет¹³. В русских же летописях после номера года иногда стоит какое-нибудь короткое предложение, сообщающее, что в этом году ничего не было, например:

В лѣто 6537. Мирно бысть¹⁴.

В лѣто 6762. Добро бяше христьяномъ¹⁵.

В лѣто 6768. Бысть тишина все лѣто¹⁶.

Еще одно отличие состоит в том, что в английских анналах большинство погодных статей (не «пустых») начинается словом «*Her*» («Здесь»), которое следует сразу за номером года. В русских летописях аналога слову «*Her*» нет, а сразу после слов «В лѣто такое-то» начинается рассказ о событии.

Погодные статьи английских и русских летописей обычно состоят из нескольких сообщений об отдельных событиях. В большинстве случаев текст погодной статьи очень легко членится на сообщения такого рода. Эти сообщения (известия, рассказы), как правило, отделяются друг от друга характерными оборотами. И в английской, и в русской традиции эти обороты отличаются известной степенью разнообразия, но в целом набор вариантов примерно совпадает: «*on thys ilcan geare*» («в

тот самый год»), «*ond thaes ilcan geares*» («и того же самого года»), «*ond on than ilcan sumera*» («и в то же лето»), «*ond tha*» («и тогда»); «в то же лѣто», «того же лѣта», «той же зимы», «тогда же» и др., а иногда (очень редко) новое известие вообще не имеет вводной формулы. Довольно распространена в обеих традициях связка «7 (*ond*)» / «и», но она редко используется для соединения разных известий, чаще — для отделения эпизодов внутри связного рассказа¹⁷.

Известия о событиях могут быть как краткими (одно предложение, или даже часть сложносочиненного предложения), так и пространными, иногда занимающими несколько страниц в рукописях. Тематика сообщений английских анналов и русских летописей в целом схожа — это политические и военные события, семейные события в жизни правителей, смены церковных иерархов, знамения, необычные природные явления и бедствия. Пожалуй, для русских летописей XII–XIV вв. характерно несколько большее внимание к церковному строительству и к знамениям¹⁸. Впрочем, тематика известий анналов и летописей достаточно широка, в обеих традициях встречаются известия, не вписывающиеся в какие-либо тематические потоки.

Как для английских анналов, так и для русских летописей характерно включение в состав погодных статей текстов иной жанровой природы. Перечни правителей (т.е. персонально-административные и генеалогические списки, а также так называемые хронологические расчеты) включены в состав статьи 755 г. Англо-Саксонской хроники, статьи 852 г. «Повести временных лет», статьи 989 г. Новгородской I летописи (Н1) младшего извода. Есть и документальные тексты. Так, в статье 656 г. рукописи E Англо-Саксонской хроники приводится жалованная грамота короля Вульфхере монастырю Питерборо. Сразу два акта, касающихся Питерборо, приводятся в статье 675 г. той же рукописи. В составе «Повести временных лет» под 907, 911, 944 и 972 гг. читаются договоры Руси с греками. Русская Правда читается в статье 1016 г. в Н1 младшего извода. В составе Лаврентьевской летописи читается, как известно, Поучение Владимира Мономаха (под 1096 г.). В составе английских анналов находятся многочисленные образцы древнеанглийской аллитерационной поэзии.

Таким образом, включение текстов самых разных жанров в состав погодных статей — общая черта английских анналов и древнерусских летописей. С вопросом о внелетописных текстах в составе летописей тесно связан еще один вопрос: с какими текстами анналы и летописи соседствуют в сохранившихся рукописях? Интересно, что даже здесь обнаруживается сходство.

Среди семи полноценных рукописей древнеанглийских анналов¹⁹ четыре содержат только анналы и ничего более (*B, D, E, F*). В рукописи *A* (древнейшей, впервые возникшей на рубеже IX–X вв.) анналы соседствуют с памятниками законодательства и перечнями правителей. В рукописи *C* анналы соседствуют с «Историей против язычников» Павла Оросия [т.е. текст по всемирной истории (Оросий) дополнен текстом по английской истории (анналы)] и с памятниками поэзии²⁰. Наконец, в рукописи *G* анналы соседствуют и с историческим сочинением другого жанра («Церковная история народа англов» Беда Досточтимого) с памятниками законодательства и с некоторыми другими текстами²¹.

К сожалению, русское летописание XI–XIV вв. представлено всего двумя сохранившимися рукописями — Синодальным списком Н1 (XIII–XIV вв.) и Лаврентьевским списком (1377 г.). Обе эти рукописи содержат только летописный текст — подобно рукописям *B, D, E* и *F* английских анналов. Но древнерусские летописи XV в. демонстрируют как раз те самые варианты сочетания с другими текстами, которые мы видим в Англии. Есть рукописи, в которых летописный текст окружен юридическими памятниками и перечнями правителей (например, Комиссионный список Н1, середина XV в.). Есть и рукописи, где кроме летописи помещен хронограф, т.е. историческое сочинение другого рода — с большим вниманием к священной и всемирной истории (таков, например, Летописец Переяславля-Суздальского, 1460-е годы)²². В рукописи Рогожского летописца (1440-е годы) летопись сочетается с хронографическими и церковно-каноническими текстами²³.

Значение западной анналистики для истории русского летописания определяется далеко не только сходством структуры и содержания этих текстов. Очень важно и то, что ранние памятники западноевропейской анналистики сохранились несрав-

ненно лучше, чем ранние русские летописи. Если последние (за единичными исключениями) дошли до нас в позднейших списках и/или сводах, то многие анналы Западной Европы сохранились в подлинниках. Поэтому то, что на древнерусском материале может быть лишь предметом реконструкции, западноевропейские рукописи позволяют наблюдать воочию.

Это относится в первую очередь к самому процессу летописания и природе анналистической формы. Ее простейшее, лежащее на поверхности объяснение состоит в том, что летопись возникает как последовательность ведущихся год за годом записей, современных описываемым событиям. С преодолением этой точки зрения как излишне буквально воспринимающей летописную форму в отечественной традиции связана концепция летописных сводов, ассоциируемая в первую очередь с именем А.А.Шахматова. В трудах самого Шахматова и, в особенности, в работах его учеников и последователей деятельность летописца понимается по преимуществу как компилятивная, состоящая в обработке материала, почерпнутого из разных источников, иногда также — в дополнении его на основе собственных сведений, осуществляемом, однако, ретроспективно, в момент работы над новым летописным сводом²⁴.

Справедливость такого подхода в отношении подавляющего большинства сохранившихся списков русских летописей и их ближайших протографов не вызывает сомнений. Его результат — воссозданное трудом многих поколений исследователей генеалогическое древо русских летописей XI–XVI вв.²⁵ — более чем внушительно. Возражать приходится не против шахматовской концепции летописных сводов, а против ее абсолютизации, при которой содержание летописного процесса сводится к одному лишь обновлению сводов, а годовая статья трактуется исключительно как форма организации материала в единовременном создаваемом своде.

Именно в этом отношении параллели с западной анналистикой особенно важны. Сохранившиеся в подлинниках западные анналы с очевидностью подтверждают реальность ведения погодных записей как особого типа историографической деятельности. Многие монастырские или епископские анналы Средневековья велись именно таким образом, т.е. системати-

чески пополнялись записями о текущих событиях, нередко — на протяжении весьма долгого времени.

Многие рукописи, однажды возникнув, затем на протяжении длительного времени пополнялись новыми записями, к ним приплетались новые листы и тетради; делались вставки на полях или между строк в уже существующем тексте и, наоборот, какие-то фрагменты могли выскабливаться; книжники могли оставлять в рукописи свободное место, чтобы вписать нечто в дальнейшем. Иногда рукопись анналов «жила» таким образом на протяжении двух и даже более столетий. Подобные памятники, если они сохранились, позволяют составить достаточно полное представление об анналистике как деятельности, о процессе работы анналистов, о кодикологическом оформлении текста анналов. Приведем несколько наиболее ярких примеров подобных «живых летописей» (*living chronicles*)²⁶.

Английская Паркерова летопись (*the Parker Chronicle*, также известная как рукопись *A* Англо-Саксонской хроники) была написана на рубеже IX–X в. в королевстве Уэссекс, вероятно, в Винчестере. На протяжении X в. несколькими почерками эта летопись продолжалась в том же Винчестере, а в XI в. она была перевезена в Кентербери, где была продолжена краткими сообщениями вплоть до 1070 г. Там же в Кентербери в ранее написанных частях рукописи были сделаны некоторые исправления и добавления²⁷.

«Живыми летописями» — хотя и с меньшей «продолжительностью жизни» — были и некоторые другие рукописи так называемой Англо-Саксонской хроники²⁸: рукопись *C* (40–60-е годы XI в.)²⁹, рукопись *E* (20–50-е годы XII в.)³⁰. Рукопись *H* представляет собой один лист (сохранившийся в составе позднего конволюта) с текстом за 1113–1114 гг. На этом листе видны две (или даже три) палеографические границы — меняются чернила, слегка видоизменяется почерк, происходят некоторые изменения в характере датировок. Лист, следовательно, происходит из несохранившейся «живой летописи», ведшейся в Англии в начале XII в.³¹

Наиболее типичной, насколько можно судить, была следующая модель. Создавался анналистический свод (или просто копия анналов, ведшихся в другом городе или монастыре). За-

тем эта же рукопись начинала продолжаться погодными записями, иногда совершенно синхронно событиям, а иногда — с перерывами или большими блоками, по несколько погодных статей сразу. Это видно по смене и вариациям почерков, смене чернил и перьев в рукописях. Часто при пополнении анналов текст новых статей заимствовался из какой-либо летописи, ведшейся параллельно в другом центре, — такие заимствования легко прослеживаются по совпадениям текстов разных анналов. Английские рукописи X — первой половины XII в. дают обширное поле для такого рода наблюдений³².

Анналы ирландского монастыря Инисфаллен сохранились в рукописи, возникшей в конце XI в. и продолжавшейся с перерывами до начала XIV в. Таким образом, анналы состоят из двух частей: ретроспективной, охватывающей события с древнейших времен до 1092 г., и синхронной — за 1092–1326 гг. В синхронной части Инисфалленских анналов насчитывается 39 основных и 16 дополнительных почерков³³. Ведение погодных записей на протяжении долгих лет можно увидеть «воочию» и в анналах шотландского монастыря Мельроз XII–XIII вв.³⁴, английского аббатства Бэри-Сент-Эдмундс XIII в.³⁵

Нет оснований думать, что на Руси дело обстояло иначе. Более того, отдельные древнерусские летописи демонстрируют вполне аналогичный западноевропейскому процесс ведения погодных записей с регулярностью и продолжительностью, даже превосходящими западные образцы жанра. Это прежде всего новгородское летописание, отразившееся в Н1. Текст этой летописи на протяжении более чем трехсот лет, с начала XII по середину XV в., складывается, за немногими исключениями, из погодных записей сначала княжеских, а потом епископских и архиепископских летописцев, работавших при новгородском Софийском соборе³⁶. Лингвистические и некоторые иные данные позволяют весьма уверенно разделить этот текст на фрагменты, созданные разными летописцами; границы этих фрагментов, как правило, соответствуют по времени сменам на новгородской (архи)епископской кафедре³⁷. Установить, насколько синхронны (в строгом смысле этого слова) событиям были записи этих летописцев, достаточно сложно, однако и здесь могут быть высказаны определенные соображения³⁸.

Древнейшая сохранившаяся русская летопись — Синодальный список Н1 (Син.) — тоже является «живой летописью». В XIII в. с новгородской владычной летописи была сделана копия, доведенная до 1234 г. (первая часть Син., л. 1–118 об.). В 1330-х годах к рукописи были приплетены новые тетради, содержавшие копию последующего, появившегося за истекшие годы текста владычной летописи — за 1234–1330 гг. (вторая часть Син., л. 119–166 об.). Затем, в 30–50-х годах XIV в. к рукописи были приплетены еще три листа (л. 167–169), на которых разными почерками записаны разрозненные сообщения о событиях 1330–1352 гг. Часть этих приписок представляет собой выписки из владычной летописи, а часть — оригинальные известия, созданные в новгородском Юрьеве монастыре. Наконец, между 1333 и 1337 гг. в Син. были сделаны два промосковских исправления — в статье 1238 г. выскоблено слово «побѣгоша» (про москвичей), а в статье 1332 г. слова «чересь крестное цѣлование» выскоблены и поверх написано: «за новгородскую измѣну»³⁹.

Более чем вероятно, что ведение погодных записей и «живые летописи» не были исключительно новгородским явлением. Так, киевская летопись за 10–30-е годы XII в., владимиро-суздальская летопись за конец XII — начало XIII в. тоже производят впечатление текстов, возникших не одновременно, а в результате постепенного накопления погодных записей. Но, в отличие от новгородской, эти местные летописные традиции были, начиная с XII в., объектом активной сводческой работы и дошли до нас в сводах XIV–XV вв., в сильно отредактированном виде.

***

Сходство летописного процесса Руси XII–XIV вв. с западной анналистикой важно как само по себе, так и ретроспективно, для изучения начального киевского летописания. Очевидно, что в сравнении с той же новгородской летописью за XII–XIV вв. «Повесть временных лет» (ПВЛ) представляет собой во много раз более сложное образование, в котором собственно анналистической составляющей принадлежит относительно

скромная роль. Очень важно, однако, что эта составляющая все же имеется, поскольку именно она, скорее всего, ответственна за форму памятника в целом. Своеобразие Начальной летописи, собственно, и заключается в том специфическом преломлении, которому оказался подвержен в ней общий для средневековой европейской историографии анналистический принцип⁴⁰.

С осознанием того, что ведение погодных записей, т.е. собственно анналистическая деятельность летописцев, выступает и в Начальной летописи как самостоятельное текстообразующее начало, связана фундаментальная поправка, сделанная М.Х.Алешковским к шахматовской схеме соотношения ПВЛ и предшествовавшего ей Начального свода. В схеме Шахматова Начальный свод заканчивался 1093 г., события же последующих лет были описаны уже Нестором в ПВЛ в начале 1110-х годов. Это означало бы, что Начальный свод в течение почти двадцати лет лежал без движения. Между тем, как уже говорилось, нормальная практика средневековой анналистики заключалась в том, что составленная летописная компиляция получала продолжение в виде погодных записей. Именно так устроены упоминавшиеся выше рукописи А, С и Е Англо-Саксонской хроники, Инисфалленские анналы, Хроника Мельроза. Примером этого на Руси может служить новгородский летописный свод, составленный около 1115 г. и продолжавшийся потом погодными записями⁴¹, да и сама ПВЛ с обоими (Лаврентьевским и Ипатьевским) вариантами ее продолжения. М.Х.Алешковский предположил, что и свод конца XI в. не был заброшен на двадцать лет, но систематически пополнялся до того момента, когда на его основе была создана ПВЛ. Доказательство этому — наличие в тексте ПВЛ начиная с 1091 г. сообщений с указанием не только дня, но и часа событий. Тем самым была уточнена и дата составления Начального свода — не 1093, а 1091 г.⁴²

Анналистическое продолжение Начального свода — не первый в ПВЛ поток погодных записей. Еще одна серия таких записей начинается с 1061 г.: в ней впервые систематически встречаются дневные датировки событий⁴³. Наконец, в тексте за самое начало XI в., там, где в связном повествовании ПВЛ наступает семнадцатилетний перерыв, читается только несколь-

ко совсем лаконичных сообщений, в которых, возможно, следует видеть начало анналистической традиции на Руси:

В лѣто 6506.

В лѣто 6507.

В лѣто 6508. Преставися Мальфрѣдъ. В се же лѣто преставися и Рогѣнѣдъ, мати Ярославля.

В лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отецъ Брячиславль, сынъ Володимерь.

В лѣто 6510.

В лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь.

В лѣто 6512.

В лѣто 6513.

В лѣто 6514.

В лѣто 6515. Пренесени святии в святую Богородицю.

В лѣто 6516.

В лѣто 6517.

В лѣто 6518.

В лѣто 6519. Преставися цесарица Володимерая Анна.

В лѣто 6520⁴⁴.

О происхождении этих записей ведутся споры, но большинство исследователей признает их «подлинность» и связывает с Десятиной церковью. А.А.Шахматов, следуя в этом вопросе за А.А.Куником, считал эти известия заимствованиями из синодика или помянника киевских князей⁴⁵. Однако, если в этом источнике смерти членов княжеского рода и некоторые другие события были записаны по годам, то более правильной будет характеристика его как примитивной формы анналов. (Так называемые малые анналы, лежащие у истоков жанра в Западной Европе, также в значительной степени состоят из записей смертей⁴⁶.)

Сопоставляя эти предельно лаконичные записи с пространными погодными статьями конца XI в., можно видеть, какой путь прошла древнерусская анналистика за первое столетие ее существования: из средства простой регистрации событий она превратилась в развернутый исторический нарратив. В этом, по-видимому, состоит общая тенденция развития анналистического жанра, которую в равной степени демонстрирует как

анналистика западноевропейская, так и летописание других (не Киева) городов Древней Руси.

Так, например, в Англии после смерти Беды Досточтимого (ум. 735 г.) в некоторых рукописях его «Церковной истории народа англов» стали делаться краткие записи, как бы в продолжение краткой хронологической сводки, уже имевшейся в последней главе сочинения Беды. Существует два *независимых друг от друга* варианта такого продолжения — в двух разных группах рукописей. В одном случае записи охватывают 731–734 гг., в другом — 732–766 гг.⁴⁷ Не исключено, что в VIII — начале IX в. на севере Англии велись и другие краткие анналы, отразившиеся в более поздних памятниках⁴⁸.

В IX в. анналистика возникла в другой части Англии — в Уэссексе — причем уже не на латыни, а на древнеанглийском языке. Если взять любую из рукописей так называемой Англо-Саксонской хроники, видно, что основное направление стилистической эволюции — от краткой регистрации событий к более или менее развернутому, эмоционально окрашенному повествованию о них⁴⁹. Статьи за конец IX в. — это уже развернутые и отчасти сюжетные рассказы (главным образом, о военных событиях). Впрочем, эволюция не совершенно однолинейна: и в ранних статьях можно встретить весьма пространные тексты, тогда как в более поздних развернутые рассказы чередуются с краткими известиями, а иногда последние даже преобладают.

Похожую картину видим в новгородском летописании. Текст древнейшего Синодального списка Н1 за XI — начало XII в. состоит из отдельных, очень кратких известий, «пустых годов» очень много⁵⁰. Текст за XII в. в целом краток, но по мере приближения к концу этого столетия погодные статьи укрупняются, появляются детализованные рассказы о событиях. Текст за XIII в. уже демонстрирует значительную пространность и «литературность». Впрочем, с последней трети XIII в. летописание в Новгороде опять становится лаконичным. Стиль и пространность погодных статей во многом определялись личностью летописца⁵¹, но все же основное направление эволюции — в сторону большей пространности.

Вернемся к ПВЛ. Это памятник многослойный, и мы пока

говорили только об одном из его пластов — так сказать, анналистическом. Но в ПВЛ присутствует и другой, даже более важный, «монотематический» (по терминологии М.Х.Алешковского⁵²) пласт. Он особенно ощутим в начальной части ПВЛ, охватывающей события до смерти Владимира. В литературе уже давно обращалось внимание на случаи, когда номер годовой статьи разрывает цельную фразу⁵³. Подобные разорванные вставкой хронологической сетки контексты не выходят за пределы первой четверти XI в.⁵⁴ Их совокупность показывает, что в основе древнейшей части ПВЛ и Начального свода лежал не разделенный на годы связный рассказ о начале Русской земли и первых русских князьях. Разделение этого повествования на годовые статьи — явление, параллельное тому, которое мы наблюдали выше, говоря о постепенном превращении погодных записей из формы регистрации событий в форму повествования о них. Оба процесса связаны между собой как встречные тенденции, определявшие логику становления Начальной летописи. У ее истоков мы находим, с одной стороны, анналы, не являющиеся нарративом, а с другой — нарратив, не являющийся анналами. Со временем эти начала сближаются: анналы превращаются в нарратив, а нарратив принимает анналистическую форму⁵⁵.

Здесь опять уместна аналогия с западноевропейской письменностью. Английская анналистика, известная под названием «Англо-Саксонской хроники» и уже упоминавшаяся в этой статье, сложилась в своей классической форме к рубежу IX–X вв. Ее предыстория не вполне ясна, но очевидно, что у ее истока стоят два разных типа текстов. С одной стороны, это развернутый нарратив об английской истории, не имевший погодной структуры, — «Церковная история народа англвов» Беды Досточтимого. Именно она дала создателям Англо-Саксонской хроники основной материал по истории Англии, использованный ими в извлечениях в составе погодных анналов. С другой стороны, в VIII–IX вв., как уже говорилось, началось ведение кратких анналистических записей. Соединение этих двух моделей текстов во многом привело к появлению такого феномена, как Англо-Саксонская хроника — пространные английские анналы конца IX — первой половины XII вв.

Как и анналистическая составляющая ПВЛ, ее «монотематическое» начало имеет свою историю. М.Х.Алешковский прослеживает признаки данного типа повествования до 1066 г., относя появление первого связного очерка истории Руси ко времени киевского княжения Изяслава Ярославича. Однако в том виде, в каком этот текст попал в руки составителя Начального свода 1091 г., разделившего его на годы, он уже содержал разновременные напластования. Свидетельства этого содержатся в древнейшей части летописи, где искусственно вставленная хронологическая сеть иногда разбивает фрагменты текста, сами по себе имеющие вторичный характер⁵⁶. «Монотематическая» основа Начальной летописи вполне могла, следовательно, возникнуть в более раннюю эпоху и какое-то время развиваться, сохраняя свою типологию, как цельный рассказ, не разделенный на годы.

Что же в таком случае представляло собой первоначальное ядро этого повествования? На этот счет существуют прямо противоположные точки зрения. Согласно гипотезе Д.С.Лихачева, это было составленное при Ярославе Мудром «Сказание о распространении христианства на Руси», написанное в традициях византийского патерика⁵⁷. Эта точка зрения давно уже не встречает поддержки и, видимо, должна быть оставлена⁵⁸. Агиографические пассажи, которые Д.С.Лихачев относил к древнейшему «Сказанию», при ближайшем рассмотрении обнаруживают признаки вторичности и никак не могли составить композиционную основу ПВЛ⁵⁹.

Намного более перспективной представляется позиция М.Н.Тихомирова, восстанавливавшего в качестве первоосновы ПВЛ написанное в Киеве в конце X в., вскоре после крещения Руси, «Сказание о русских князьях»⁶⁰. Накопившиеся к настоящему времени прямые и косвенные данные о русской письменности эпохи Владимира не противоречат столь ранней датировке начала русской историографии⁶¹. Однако, в отличие от М.Н.Тихомирова, видевшего в «Сказании» произведение сугубо светское, нам не кажется целесообразным противопоставлять в плане истории текста повествование о крещении Руси (в его первоначальном виде) рассказам о ее языческом прошлом, а также выводить за рамки «Сказания» рассказ о призвании ва-

ряжских князей. Данные внутренней критики текста в сочетании с лингвистическим анализом позволяют охарактеризовать первоначальное ядро будущей ПВЛ как основанное на дружинном предании повествование, прослеживавшее историю Русской земли от основания Киева тремя братьями-полянами до крещения Владимира⁶².

Датировка этого произведения концом X в. дает возможность видеть в упомянутых выше кратких записях 6508–6515 гг. анналистическое продолжение «Сказания»⁶³. Важно, однако, что сам этот текст, вполне однородный по своему характеру, нет оснований считать *летописным сводом*, существование которого в эпоху Владимира предполагали Л.В.Черепнин⁶⁴ и Б.А.Рыбаков⁶⁵, поскольку о еще более ранних летописях данных нет. Ситуация конца X — начала XI в. («Сказание», продолженное элементарными анналами) как бы прообразует в примитивной форме ситуацию конца XI в., когда Начальный свод 1091 г. продолжается подробной погодной летописью.

С типологической точки зрения важно, что нарративное ядро Начальной летописи точно так же не вписывается в византийскую литературную модель, как и ее анналистическая форма. Написание истории одного, варварского, с византийской точки зрения, народа, с опорой не на письменные источники, а на устное предание, — по сути своей противоречит как духу византийской хронографии с ее имперским универсализмом, так и методам работы византийских историков и хронистов. Византийские авторы писали историю на основании письменных источников или собственных воспоминаний, и задача письменного оформления устного предания об отдаленном прошлом была им совершенно незнакома.

Наоборот, в западной раннесредневековой письменности мы находим прямые аналогии нарративному ядру русской Начальной летописи. Типологически оно сближается с такими памятниками, как «История франков» Григория Турского⁶⁶, «История готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского, уже упоминавшаяся «Церковная история народа англоv» Беды Досточтимого, «История лангобардского народа» Павла Диакона, «История норманнов» Дудона Сент-Квентинского и др.⁶⁷ В средневековых славянских литературах сопоставимыми с

ПВЛ памятниками являются польская Хроника Галла Анонима и чешская Хроника Козьмы Пражского⁶⁸. В последней, как и в ПВЛ, связанное изложение национальной истории сочетается с анналистической, погодной формой⁶⁹. Есть яркие параллели и между ПВЛ и памятниками раннего скандинавского исторического писания⁷⁰.

* * *

Итак, раннее киевское летописание в обоих образующих его началах не вписывается в византийскую культурную парадигму. При этом оно обнаруживает принципиальное сходство с западно- и центральноевропейской историографией. Ничего удивительного в этом нет. По целому ряду других социокультурных параметров Киевская Русь конца X–XI вв. точно так же сближается не с Византией, а с молодыми христианскими государствами Средней Европы — Чехией, Венгрией, Польшей, скандинавскими странами. Насколько актуальны были эти западные связи для Руси конца X–XI вв., видно из слов ПВЛ о Владимире (под 996 г.): «и бѣ жива с князи околними миромь, с Болеславом Лядским и с Стефаном Угорским, и с Андрихом Чешским, и бѣ мир межю ими и любы»⁷¹. Перспектива более позднего конфессионального противостояния православной Руси и католического Запада заслоняет от нас эти контакты. Однако до разделения церквей в 1054 г. — а восходя к истокам древнерусской исторической традиции, мы неизбежно попадаем именно в эту эпоху — ситуация была совершенно иной, чем в последующие века, и несравненно более благоприятствовала общим культурным переживаниям и взаимному влиянию⁷².

Остается неясным, является ли общность анналистического принципа средневековой европейской и древнерусской исторических традиций следствием их типологического сходства или влияния одной на другую. Поскольку никаких прямых связей между западной анналистикой и начальным древнерусским летописанием не просматривается, положительных оснований говорить о таком влиянии нет. Необходимо учитывать, что анналистика вообще представляет собой одну из наиболее

примитивных форм фиксации исторических событий и в принципе может возникать независимо в разных культурных ареалах⁷³.

В то же время нельзя не заметить, что в средневековой Европе распространение анналистического жанра происходит путем его постепенного продвижения с запада на восток. Зарождение анналистики на Британских островах — в Ирландии и Англии — относят к VII–VIII вв. Чуть позже анналистика возникает на Континенте, во Франкском государстве. С конца X по середину XI в. первые анналы появляются в Польше и Венгрии⁷⁴. Возникновение летописания на Руси было бы заманчиво трактовать как заключительный этап в этом поступательном движении жанра⁷⁵. Языковой барьер и отсутствие переводов западных исторических сочинений на славянский язык в принципе не составляли непреодолимого препятствия для усвоения этой традиции. Для этого достаточно было и общего знакомства с самой практикой ведения погодных записей, которое в условиях интенсивных церковных и династических контактов Руси с Западом было вполне возможно.

Предполагать влияние каких-либо западных литературных образцов на сложение нарративного ядра ПВЛ нет никаких оснований: здесь, очевидно, мы имеем дело с чисто типологическим сходством. Западные аналогии, таким образом, не столько проливают свет на источники древнерусского летописания, сколько указывают перспективу, в которой можно лучше оценить его жанровую специфику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Творогов О.В. Древнерусская литература // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 363–377.

² См.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.

³ Mango C. The Tradition of Byzantine Chronography // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. [Vol.] 12/13: Proceedings of the International Congress Commemorating the Millenium of Christianity in Rus'-Ukraine. P. 360–372.

⁴ Шлёцер А.-Л. Нестор: Русские летописи на древлеславенском

языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудвиком Шлёцером... СПб., 1809. Ч. 1. С. 259.

⁵ Сухомлинов М.И. О древней русской летописи как памятнике литературном // Ученые записки 2-го отделения Имп. акад. наук. СПб., 1856. Кн. 3. С. 27–45; Маркевич А.И. О летописях: Из лекций по историографии. Одесса, 1883. Вып. 1. С. 15–20, 48–51.

⁶ Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники (тексты, перевод, комментарий). М., 1990. С. 141; Каштанов С.М. Источниковедческие основы компаративного метода в истории // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Москва, 29–31 января 1996 г.). М., 1996. С. 33; Он же. К теории и практике сравнительного источниковедения // Норна у источника Судьбы: Сб. ст. в честь Е.А.Мельниковой. М., 2001. С. 161–162; Гиппиус А.А. Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики // Славяне и немцы: Средние века — раннее Новое время: Сб. тез. 16 конф. памяти В.Д.Королюка. М., 1997. С. 24–27; Ранчин А.М. Оппозиция «природа — культура» в Повести временных лет // Ранчин А.М. Статьи о древнерусской литературе. М., 1999. С. 105–116; Гимон Т.В. Ведение погодных записей в средневековой анналистике (Сравнительно-историческое исследование). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

⁷ В этом смысле нам не кажется корректным сравнение русских летописей с «хрониками» как неким целым: Мильдон В.И. Летопись и хроника — два образа истории // Культура и искусство западноевропейского средневековья: Мат-лы науч. конф. (1980). М., 1981. С. 351–373; Он же. «Земля» и «небо» исторического сознания (Две души европейского человечества) // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 87–99.

⁸ В англоязычной историографии «хроники» и «анналы» вообще не противопоставляются (см., например: Gransden A. Legends, Traditions and History in Medieval England. L.; Rio Grande, 1992. P. 201). В историографии франкоязычной такое противопоставление имеет место, что, по нашему мнению, намного удобнее (хотя и там это противопоставление дискуссионно) — см.: McCormick M. Les annales du Haut Moyen Age. Turnhout, 1975 (Typologie des sources du Moyen Age occidental / Directeur: L.Genicot). P. 11–13.

⁹ Но не Галицко-Волынскую летопись XIII в.: ее связанное изложение и отсутствие погодной сетки заставляет сравнивать ее именно с хрониками.

¹⁰ Two of the Saxon Chronicles Parallel: A revised text / Ed., with intr., notes, appendices and glossary by Ch.Plummer; On the basis of an edition by J.Earle. Oxford, 1899. Vol. 2. P. XVII–XVIII.

¹¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 256.

¹² Там же. С. 261.

¹³ См., например, факсимильное издание Паркеровой летописи: *The Parker Chronicle and Laws (Corpus Christi College, Cambridge, MS. 173): A facsimile / Ed. by R.Flower and H.Smith. L., 1941.*

¹⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 149; тот же оборот в Лавр. под 6743 г. (Там же. Стб. 460).

¹⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 80.

¹⁶ Там же. С. 83.

¹⁷ Подробнее о внутренней форме английских анналов см.: Clemons P. *Language in Context: Her in the 890 Anglo-Saxon Chronicle // Leeds Studies in English. New Series. 1985. Vol. 16. P. 27–36;* Bately J.M. *Manuscript Layout and the Anglo-Saxon Chronicle // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. 1988. Vol. 70. № 1. P. 21–43;* Mitchell B. *The Sign 7 in the Annal for 871 in the Parker Chronicle, MS. Cambridge Corpus Christi College 173 // Alfred the Wise: Studies in honour of J.Bately on the occasion of her sixty-fifth birthday. Cambridge, 1997. P. 127–133;* Гимон Т.В., Метлицкая З.Ю. *Хронологические формулы англо-саксонских анналов // Восточная Европа в древности и средневековье: Время источника и время в источнике: XVI чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто, Москва, 14–16 апреля 2004 г.: Мат-лы конф. М., 2004. С. 35–41.*

¹⁸ Гимон Т.В. *Ведение погодных записей... С. 16, 20–22.*

¹⁹ Рукопись *H* — это один лист, находящийся ныне в составе конволюта позднего происхождения.

²⁰ Правда, возможно, эта рукопись не представляет собой изначального кодикологического единства (O'Brien O'Keefe K. *Reading the C-Text: The After-Lives of London, British Library B.i // Anglo-Saxon Manuscripts and Their Heritage. Aldershot etc., 1998. P. 138–141.*)

²¹ Ker N.R. *Catalogue of Manuscripts Containing Anglo-Saxon. Oxford, 1957. P. 57–59, 187–188, 230–234, 249–255, 424–426.*

²² ПСРЛ. М., 1994. Т. 41.

²³ См.: Муравьева Л.Л. *Рогожский летописец XV века. М., 1998. С. 15–20.*

²⁴ Ср.: «...Шахматов выяснил, что летописец редко вел свои записи из года в год, как это представляли себе предшествующие исследователи. Составление летописного свода совершалось по большей части единовременно. Компилируя работу своих предшественников, летописец дополнял ее собственными записями сразу за несколько лет, доводя изложение до своего времени» (Лихачев Д.С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 3.*)

²⁵ См.: Лурье Я.С. *Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 190–205:*

²⁶ Выражение заимствовано нами у А.Грэнсен: Gransden A. *Historical Writing in England c. 550 to c. 1307. Ithaca, N.Y., 1974. P. 29–30.*

²⁷ Блестящее исследование процесса ведения Паркеровой летописи см.: Dumville D.N. *Wessex and England from Alfred to Edgar: Six Essays on Political, Cultural, and Intellectual Revival. Woodbridge, 1992. P. 55–193.* Существует ее факсимильное издание (*The Parker Chronicle and Laws...*) и дипломатическое издание (*The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative edition. Cambridge, 1986. Vol. 3: MS. A: A semi-diplomatic edition with introduction and indices / Ed. by J.M.Bately.*)

²⁸ «Англо-Саксонской хроникой» условно называют совокупность из восьми сохранившихся рукописей конца IX — первой половины XII в., содержащих анналы на древнеанглийском языке.

²⁹ См.: *The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative edition. Cambridge, 2001. Vol. 5: MS. C: A semi-diplomatic edition with introduction and indices / Ed. K.O'Brien O'Keefe; Гимон Т.В. Ведение погодных записей... С. 11–14.*

³⁰ Факсимильное издание см.: *The Peterborough Chronicle (The Bodleian Manuscript Laud Misc. 636) / Ed. by D.Whitelock with an appendix by C.Clark. Copenhagen, 1954.* Дипломатическое издание см.: *The Peterborough Chronicle, 1070–1154: Ed. from MS. Bodley Laud Misc. 636; with Intr., Comm. and Appendix containing the Interpolations by C.Clark. Oxford, 1958.* См. также: Гимон Т.В. *Ведение погодных записей... С. 15–16.*

³¹ См.: Ker N.R. *Catalogue... P. 188;* Гимон Т.В. *Ведение погодных записей... С. 15.*

³² См.: Там же. С. 7–16.

³³ *The Annals of Inisfallen reproduced in facsimile from the original manuscript (Rawlinson B 503) in the Bodleian Library / With a descriptive introduction by R.I.Best and E.MacNeille. Dublin, 1933;* *The Annals of Inisfallen (MS Rawlinson B 503) / Ed. with transl. and indices by S.MacAirt. Dublin, 1951. P. XXX–XLI.* Под «дополнительными» понимаются почерки, которыми сделаны исправления и дополнения в уже написанном тексте.

³⁴ *The Chronicle of Melrose from the Cottonian Manuscript, Faustina B.ix in the British Museum: A complete and full-size facsimile in colotype / With an intr. by A.O.Anderson and M.O.Anderson and an index by W.C.Dickinson. L., 1936.*

³⁵ См.: Gransden A. *Legends, traditions and history... P. 199–238.*

³⁶ См.: Гиппиус А.А. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л.Янина. М., 1999. С. 345–364.

³⁷ См.: Гиппиус А.А. Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. С. 13–23.

³⁸ См.: Гимон Т.В. Ведение погодных записей... С. 18–19.

³⁹ См. примечания А.Н.Насонова в издании Н1: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 75, 99–100; Гимон Т.В., Гиппиус А.А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 18–47; Гимон Т.В. Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи // Норна у источника Судьбы: Сб. ст. в честь Е.А.Мельниковой. М., 2001. С. 53–60.

⁴⁰ См. подробнее: Гиппиус А.А. У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах, 2002. М., 2003. С. 25–43.

⁴¹ См.: Гиппиус А.А. К характеристике...

⁴² Алешковский М.Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1975. М., 1976. С. 139–141.

⁴³ Там же. С. 143–144.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 129–130.

⁴⁵ Шахматов А.А. История русского летописания. СПб. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды, кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. 2002. С. 123–124.

⁴⁶ Ср., например, анналистические продолжения «Церковной истории народа англов» Беды за VIII в. (см.: Беда Досточтимый. Церковная история народа англов / Пер. с лат., ст., прим., библиогр. и указатели В.В.Эрлихмана; отв. ред. С.Е.Федоров. СПб., 2001. С. 195–196.

⁴⁷ Там же С. 195–196.

⁴⁸ Rollason S. Northern annals // The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England. Oxford, 1999. P. 333–334.

⁴⁹ См.: Clark C. The narrative mode of the Anglo-Saxon Chronicle before the Conquest // England before the Conquest: Studies in primary sources presented to D. Whitelock. Cambridge, 1971. P. 215–235.

⁵⁰ Впрочем, есть основания считать, что в данном случае мы имеем дело с выборкой из более пространной киевской летописи, а не с изначальной фиксацией событий.

⁵¹ Гиппиус А.А. Лингво-текстологическое исследование... С. 23–26.

⁵² Алешковский М.Х. К типологии... С. 133–137 и сл.

⁵³ Самый известный пример — вставка 22-х годовых рубрик (923–944) в предложение: «И рѣша дружина Игореви: се дал еси единому мужу много: отроци Свенелжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази». Специально об этом пассаже в связи с соотношением Начального свода и ПВЛ см.: Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод: Текстологический комментарий // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 20; Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игореви...: К лингво-текстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. P. 155–159.

⁵⁴ См.: Алешковский М.Х. К типологии... С. 147.

⁵⁵ С взаимодействием этих тенденций связано появление в ПВЛ текстов еще одного типа, широко представленных в первую очередь в ее древнейшей части (до начала XI в.), но встречающихся и позже. Его можно обозначить как «псевдоанналы». Это в основном краткие записи, оформленные как погодные, но в действительности содержащие информацию, ретроспективно помещенную под соответствующим годом. В отличие от годовых статей, возникших в результате вторичного членения неанналистического нарратива, такие записи могут восходить к нелетописным источникам (например, хронике Амартола) или же вообще представлять собой плод исторической реконструкции летописца. Примером может служить запись под 6391 г.: «Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24). «Псевдоанналы» могут содержать и достоверную информацию, как, например, запись в Ипатьевской летописи под 6584 г. о рождении у Владимира Мономаха сына Мстислава (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 190), внесенная, по всей вероятности, в одну из редакций ПВЛ (см.: Творогов О.В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam: Сб. памяти Я.С.Лурье. СПб., 1997. С. 207). Ср., с другой стороны, расположенные в ПВЛ с подозрительной регулярностью (каждые три года) записи о рождении детей Ярослава Мудрого (см.: Вилкул Т.Л. Даты рождения княжичей: Старшие и младшие Ярославичи // Ruthenica. Київ, 2003. Т. II. С. 108–114). Отличить достоверные записи такого рода от недостоверных, как и «псевдоанналы» от подлинных погодных записей, часто затруднительно.

⁵⁶ Так, дата 6496 (988) г., отделяющая «дательный самостоятельный» от главного предложения («И минувшю лѣту. Въ лѣто 6496. Иде Володимерь съ вои на Корсунь, град гречьский» — ПСРЛ. Т. 1. Стб. 109), внесена в текст, восходящий к «Корсунской легенде». Фрагменты последней, как показал А.А.Шахматов, образуют вторичный слой в повествовании о крещении Руси (Шахматов А.А. История... Т. 1, кн. 1. С. 105–106 и сл.).

⁵⁷ Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 59–76.

⁵⁸ См. критический разбор: Баловнев Д.А. Сказание «О первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2001. Вып. 4. С. 5–46.

⁵⁹ К примеру, речь патриарха, обращенная к Ольге, в рассказе о ее крещении, которую Д.С.Лихачев относил к «Сказанию», явно вставлена позже в рассказ о том, как киевская княгиня перехитрила греческого императора (см.: Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 334–341; Мюллер Л. Рассказ «Повести временных лет» о крещении княгини Ольги // Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования. М., 2000. С. 178).

⁶⁰ Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 46–66.

⁶¹ Прежде всего, это недавно обнаруженный новгородский кодекс на восковых табличках начала XI в. (см.: Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3–25). Особых оснований относиться с большим скепсисом к «Сказанию о русских князьях», чем к шахматовскому Древнейшему своду 1039 г., как кажется, нет. К тому же, как теперь ясно, событие, с которым Шахматов связывал создание Древнейшего свода — учреждение киевской митрополии, — в действительности имело место не в 1037 г., а практически сразу после крещения Руси. К этому же времени Я.Н.Щапов относит появление уставных грамот о материальном обеспечении Десятиной церкви и русских епископий, лежавших в основе церковного устава Владимира (Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 136). С другой стороны, А.В.Назаренко привел ряд фактов, позволяющих относить ко времени княжения Владимира и начало формирования литературной традиции о его крещении (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 435–450). На этом фоне создание ядра будущей ПВЛ еще в конце X в. совсем не кажется невероятным.

⁶² Подробнее см.: Гиппиус А.А. Рекоша дружина... Р. 147–181.

⁶³ Ср. упомянутые выше краткие анналы, продолжавшие «Церковную историю» Беды Досточтимого.

⁶⁴ Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. М., 1948. Т. 25. С. 293–333.

⁶⁵ Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963.

⁶⁶ Ср.: Аверинцев С.С. Григорий Турский и «Повесть временных

лет», или О несходстве сходного // Другие средние века: К 75-летию А.Я.Гуревича. М., 2000. С. 6–12.

⁶⁷ На сходство этих памятников между собой, конечно, неоднократно обращалось внимание — см.: Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. Princeton, 1988. Сопоставление ПВЛ с памятниками этого типа см.: Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа, XII–XVII вв. М., 1973. С. 102–106. См. также: Руквишников А.В. Проблема «непризнания родства» в раннесредневековых хрониках и Повесть временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV чтения памяти чл.-корр. РАН В.Т.Пашуто, Москва, 17–19 апреля 2002 г.: Мат-лы конф. М., 2002. С. 198–203; Попова А.М. «История гот, вандалов и свевов» Исидора Севильского как памятник раннесредневековой историографии // Раннесредневековый текст: Проблемы интерпретации. Иваново, 2002. С. 88–103.

⁶⁸ См.: Kralik O. Počátky kronikárství u Slovanů // Československé přednášku pro VI. mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1968. S. 233–243; см. также: Banaszkiwicz J. Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 1998.

⁶⁹ Ранчин А.М. Оппозиция «природа — культура»...

⁷⁰ См.: Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // Древнейшие государства Восточной Европы, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 48–92.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126.

⁷² См. из последних работ: Живов В.М. Разыскания... С. 83–93; Успенский Б.А. История русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2002. С. 65–75.

⁷³ Погодные летописи имелись у многих народов на ранних стадиях развития цивилизации, причем далеко не только в Европе. Ср., например, ранние китайские летописи (Конфуциева летопись Чуньцю (Весны и осени) / Пер. и прим. Н.И.Монастырева. Исследования Д.В.Деопика и А.М.Карапетьянца. М., 1999; Погодовые записки на бамбуковых планках / Пер. и коммент. М.Е.Кузнецовой-Фетисовой // Древний Восток и античный мир: Тр. кафедры истории Древнего мира. М., 2004. [Т.] 6. С. 183–200). Ср., с другой стороны, погодные летописи североамериканских индейцев (Борисов Г.Б. Пиктографические летописи степных племен Северной Америки: Историко-культурные аспекты. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001). В настоящее время коллектив авторов готовит сборник науч-

ных обзоров, посвященных формам историописания у разных народов древности и Средневековья — о летописях, хрониках, генеалогиях и т.д. — не только в Европе, но и на Древнем Востоке, в Америке, в Африке. Среди авторов обзоров — Д.Д.Беляев, Д.М.Бондаренко, Г.Б.Борисов, Т.В.Гимон, А.А.Красова и др.

⁷⁴ О распространении анналистики в Европе см.: Smyth A.P. The earliest Irish annals: Their first contemporary entries and the earliest centers of recording // Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C. 1972. Vol. 72. № 1. P. 1–48; Gransden A. Historical Writing...; McCormick M. Les annales...; Wattenbach W. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Deutsche Kaiserzeit / Hrsg. R.Holtzmann. Tübingen, 1948. Bd. 1, 4. Heft; Idem. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Vorzeit und Karolinger / Hrsg. W.Levinson und H.Löwe. Weimar, 1953.

⁷⁵ Краткую характеристику ПВЛ в перспективе развития центральноевропейской анналистики см.: Wattenbach W. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Deutsche Kaiserzeit... S. 814–815.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Н1 — Новгородская I летопись

ПВЛ — «Повесть временных лет»

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

Син. — Синодальный список Новгородской I летописи

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН

A, B, C, D, E, F, G, H — рукописи Англо-Саксонской хроники